

А. А. Оганов¹

В ПОИСКЕ АДЕКВАТНОГО ДИСКУРСА О ГЛОБАЛИЗМЕ

Со времен древних восточных мировоззрений и европейской Античности представления о глобальном мире олицетворяли необъятность Вселенной, совершенство Космоса, «звездное небо над головой» (Кант). Территориальное и культурное пространство, непосредственно окружавшее человека, не давало повода думать о глобальности мира поднебесного, планетарного.

Все, что не было «своим», было «чужим». «Свое» близко и понятно, «чужое» далеко и неведомо. Не было того, что можно назвать феноменом «всемирной циркуляции». Касается ли это информации, материальных и культурных ценностей, миграционных процессов, туризма...

На рубеже XX–XXI веков наступила эпоха земного обживания глобализма, когда от космофизического пространства он сошел к пространству человеческого бытия. Произошли перемены, радикальные и беспрецедентно быстрые. В процессе их осмысления в научный обиход столь же скоро вошел целый ряд новых понятий: «большая деревня» (М. Маклюэн), «интернет-пространство», «сетевое сообщество», «трансграничность», «транснациональность», «мультикультурализм». Все они преимущественно характеризуют интеграционные процессы, его различные стороны и паттерны.

Схождение стран и континентов со всех сторон света образовало «большую деревню». При всей своей малости, как ни парадоксально это звучит, она и явила собой глобальный мир. И тогда «чужие» стали просто «другими», потому как стали ближе, доступнее, понятнее. А в чем-то желанными в своей непохожести.

Интеграция стала возможной вследствие нарастающего глобализационного процесса. Динамика его становления и развития, в свою очередь, обусловлена качественным скачком в совершенствовании информационно-коммуникативных технологий. Лавинообразное распространение информационных систем привело к созданию своего рода информационной ноосферы. Успешное генерирование, обработка и использование информации способствовали образованию транснациональных экономических структур. Не без основания испанский социолог М. Кастельс отождествляет понятия «информационной» и «глобальной» экономики нового типа. В планетарном масштабе, образуя разветвленную сеть, стали возникать различные поли-

тико-экономические союзы, объединения, ассоциации. В их числе — Евросоюз, АТЕС, БРИКС, ШОС, АПЕК, АСЕАН и др.

Несмотря на то что в основании глобализации ведущими изначально усматривались экономические интересы, явление это весьма многофакторное, повлиявшее на сферы политики, права, культуры, демографии, науки, образования. Влияние это оказалось далеко не однозначным. Не случайно уже на начальном этапе глобализационного процесса появились как его сторонники, так и противники. Однако преобладающей была позиция глобалистов с их оптимистическими ожиданиями перспектив благополучного развития. Прогрессисты рассчитывали на приход мультикультурализма, большую толерантность и политкорректность по отношению к самым разнообразным жизненным укладам, этническим, культурным и религиозным различиям народов.

Вскоре эти ожидания обнаружили свою иллюзорность по причине того, что интеграция, по существу, обернулась унификацией в ее крайнем проявлении. Угроза образования «плавильного котла» сделала невозможной осуществление ни мультикультурализма, ни политкорректности, ни подлинной толерантности. Стали возникать серьезные антропологические проблемы, обусловленные тем, что современный человек с его укорененным психотипом не мог адаптироваться к резким переменам в системе ценностей и образе жизни.

Сомнение в линейном развитии глобализации и неготовность к непредвиденным ее метаморфозам в первую очередь постигли страны Евросоюза. В силу неравномерного информационно-экономического развития не все страны смогли полноценно и полноправно войти в глобальное европейское сообщество. Особые социально-экономические трудности стала испытывать Греция, отчасти Португалия и Испания. Назревала конфликтная ситуация. С целью ее предупреждения центральный орган Евросоюза в лице Евросовета включил механизм политического и финансового воздействия. С этого началось частичное замещение экономического, рыночного ресурса ресурсом политическим. Таким образом, изначальная идея глобализма с ее базовой экономической основой стала претерпевать симптоматическую деформацию.

Положение резко усугубила самонадеянная толерантность ряда ведущих стран Европы, особенно Германии и Франции. Подобная почти безрассудная толерантность, проще говоря, псевдогуманизм, ввергли Европу в беспрецедентный миграционный кризис. Хлынувшая из арабского мира волна мигрантов в надежде на лучшую жизнь явила собой второе в новейшей европейской истории «восстание масс». Оно оказалось значительно масштабнее по своим последствиям в сравнении с тем, о котором в 30-е годы XX века с тревогой писал Ортега-и-Гассет.

Демократический порыв европейцев в реальности обернулся грубым торгом между странами по поводу

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Теория и история эстетики», «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Гносеологический анализ закономерностей художественного творчества», «Искусство как форма самопознания» «Теория искусства» (в соавт.), «Теория культуры» (в соавт.) «Формально-структурные разновидности в искусстве модернизма» (в соавт.), «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Управление культурой и современными коммуникациями: предпринимательство в культуре» (в соавт.) и др. Член редколлегии ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре».

расселения и жизнеустройства сотен тысяч мигрантов. Несоразмерность их желаний и требований с реальными возможностями сколько-нибудь приемлемого их удовлетворения нередко вызвала агрессивное недовольство, подчас толкая новоявленных мигрантов на преступные акции. Естественно, что у коренных европейцев это стало вызывать беспокойство и нарастающее недовольство проводимой официальной государственной политикой.

Есть немало других обстоятельств, ведущих к кризисным проявлениям при нынешней модели глобализационной интеграции. В их числе — ущемление возможностей культурной, конфессиональной, этнонациональной идентификации вплоть до распада этносов, что грозит утратой ценностных предпочтений, ментальных ориентаций, обрядовых традиций, правовых и гражданских свобод. Подобные проявления стали настораживать ряд развитых европейских стран, вызывать разочарование и неудовлетворенность общей политико-экономической атмосферой Евросоюза, порождать сомнения в целесообразности дальнейшего участия в этом сообществе.

Свидетельство тому — нашумевший и глубоко встревоживший европейский истеблишмент реванш англичан, официально объявивших свой брексит. И пока Евросовет старается нивелировать весьма ущербные последствия для репутации своего амбициозного проекта, грядущие в этом году выборы лидеров властных государственных органов Франции, Германии, Италии могут усилить деструктивные процессы в Европе. Во Франции уже поговаривают о своем фрексите — двойнике упомянутой акции англичан.

Отдельного упоминания заслуживают тесно связанные между собой проблемы толерантности, мультикультурализма и идентичности. Понятие толерантности прежде всего относится собственно к межкультурному диалогу, взаимодействию культур, их системе ценностей, традиций и обычаев народов. Они не могут быть принесены в жертву даже благополучному материальному положению. Бесконфликтное существование и тем более взаимообогащение культур и этносов возможно лишь при условии ненавязываемых стандартов и норм поведения.

Было бы ошибкой распространять механизм унификации за пределы информационно-экономической области и присущих ей технологий. Приоритет экономического развития не должен подчинять себе самобытность культуры, неотделимой от витальных устремлений человека. В противном случае благородные намерения проявлять толерантность оказываются лишь пафосными декларациями, так и не достигая подлинной цели. И, конечно же, совершенно исключена какая-либо толерантность по отношению к девиантному поведению.

Здесь сразу встают «больные вопросы» мультикультурализма и идентичности. Собственно, сказанное имеет прямое к ним отношение.

Не мудрствуя лукаво, мультикультурализм был испокон веков. Это, по сути, и есть многообразие культур народов и стран. Другое дело, что прежде не было такого понятия. Возникло оно впервые в эпоху глобали-

зации и непосредственно в связи с интеграционными процессами. Понятие стало востребованным, потому как сложилась ситуация бытия разных национальных культур в едином социально-политическом пространстве. Это либо отдельная страна (Россия, США), либо союз, объединение стран, заключивших договор о централизованном управлении, единых правовых нормах, валюте, безвизовом перемещении, свободном трудоустройстве, выборе местожительства и других привилегиях. Это и есть Евросоюз — 28 стран.

В России, США и других многонациональных государствах в разной степени мирно сосуществуют различные национальные культуры. Неблагополучно в этом отношении в Евросоюзе. Здесь в условиях трансграничности возникли миграционные трудности, усилилась маргинализация, участились случаи девиантного поведения. Мы становимся свидетелями нарастающего конфликта между пока еще большинством титульного населения и внушительной миграционной массой. Понятно, что на такой почве невозможно «возделывание» мультикультурализма. Стало быть, распространение глобализма, а неизбежно и трансграничности, не сулит мультикультурализму никаких перспектив.

И все-таки мультикультурализм возможен, но при такой модификации интеграции, которая не исключала бы образование локальных этнокультурных общностей. Это те же диаспоры или их подобие со своим языком, традициями, культурными институциями и т. п. Так, пожалуй, достижимы и полиэтничность, и этнокультурное разнообразие в общем пространстве сколь угодно крупного объединенного сообщества. Здесь уместно сослаться на Мартина Хайдеггера: «Бытие в мире есть “со-бытие”, бытие с другими»¹. Только так «другие» не будут ощущать себя чужими. И не будет причин для их неприятия.

Судя по наблюдаемой сегодня картине, глобализация вошла в режим флуктуации, ускоряющей ее нисходящий тренд. Глобалисты полагали, что человек пожелает стать гражданином мира. Вопреки этим ожиданиям национальные амбиции людей не готовы поддаться такому соблазну. Разменять многонациональную мозаику мира на одномерное пространство бытия — значит обезличить человека, лишив его чувства идентичности. Ее утрата приведет к распаду этносов, предельно абсурдной массовизации. В среде этнологов циркулирует мысль о распаде этносов, и, возможно, не без основания. Но если и произойдет это, то в необозримо далекой перспективе. Для этого должны сложиться объективные условия, естественное социальное эволюционирование, о чем сегодня можно говорить только гипотетически. В наше время утопично полагать, что этнокультурное разнообразие может раствориться в тигле прогрессистских и интеграционных процессов.

Этничность не подвержена ситуационной детерминации. Она формируется исторически, сложившимся наследием. В его составе — культурные, конфессиональные, нравственные, ментальные, расовые, клановые особенности. Все они образуют самобытную цен-

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 53.

ностную ориентацию, органично присущую человеку. Преимущественно ими определяется его идентичность. Она может таиться в подсознательной глубине, но так или иначе ее проявления неизбежны. Поэтому транснациональная идентичность — нонсенс.

Имеют место в той или иной степени косвенные последствия современного глобализма. Возросли профессиональные конфликты, диктат потребительства, фетишистское обладание, культ вещизма, экспансия консьюмеризма, пространство симулякров, политизация СМИ. Достигли критической черты вторжение техносферы в биосферу, техногенное воздействие на среду обитания человека. Введенные Болонским процес-

сом стандарты в образовательной системе без учета сложившихся принципов и методов обучения вызвали смятение и чехарду в образовании.

Тем не менее, несмотря на нисходящий вектор глобализма, сегодня рано говорить о его бесславном финале и спешить множить сторонников антиглобализма. Скорее всего, глобализация войдет в трансгрессивное состояние частичного самоотторжения от его нынешней модели («мягкого запрета») с тем, чтобы качественно обновиться и перейти в иное, позитивное развитие.

Мир обречен быть глобальным. Это необратимо, ибо исторически и объективно предопределено.